

УДК 327.7:008 + 316.722

К. М. Табаринцева-Романова

КУЛЬТУРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ДИПЛОМАТИЯ, БЕЗОПАСНОСТЬ, КОНФЛИКТ

Статья посвящена рассмотрению изменения роли культуры на современном этапе развития международных отношений сквозь призму понятия «мягкая сила». Исследуемые трансформации концепта культуры были рассмотрены на основе анализа документов и деятельности Европейского союза. Выделяются основные приоритеты ЕС в развитии международных культурных отношений. Далее, исходя из мировых политических тенденций и общей геополитической ситуации, автор анализирует относительно новые структурные элементы концепта культуры, а именно: культурная безопасность, культурный конфликт, культурная война. Делается вывод о том, что культура становится гибридным конструктом, а «мягкая сила» становится не только инструментом внешнего воздействия и «продвижения» государства на международной арене, но и приобретает «оборонительные» функции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная безопасность, культурный конфликт, «мягкая сила», публичная дипломатия, ЕС.

В современных международных отношениях существует огромный, ранее практически не используемый потенциал «культурной привлекательности». Именно поэтому мы наблюдаем активное вовлечение культурного сектора во внешнюю политику государств и международных организаций. Отмечается рост исследовательского интереса со стороны европейских и российских исследователей, философов, политиков по изучению и интерпретации «мягкой силы», публичной дипломатии, культурной дипломатии. Развитие международных культурных отношений и «мягкой силы» становится приоритетным направлением в национальных стратегиях государств и региональных организаций. Так, в 2016 г. Европейский союз одобрил Новую стратегию развития международных культурных отношений, в которой особая роль отводилась культуре. В свою очередь, ЕС отвечал за разработку инновационных методов культурной дипломатии, за сотрудничество в области образования и науки, за развитие межкультурного диалога. Проанализировав принятую стратегию, можно выделить следующие ее ключевые задачи:

— расширить возможности государств-членов и ЕС в целом для использования экономического потенциала сектора творческой индустрии, а именно стимулирования развития модели устойчивого развития и создания благоприятных условий для инвестиций и новых рабочих мест;

— содействовать развитию культурной политики как фактора мира и социально-экономического развития в третьих странах, а также как инструмента сохранения разнообразия и культурного плюрализма;

— сделать ЕС более сильным глобальным игроком на международной арене, более эффективно использовать исторические рычаги европейской «мягкой

силы». В частности, утверждалось, что активное продвижение основополагающих прав человека, верховенства права, процессов демократизации, укрепления гражданского общества и устойчивого экономического развития является основным условием достижения наиболее важных целей европейской политики [11].

В марте 2017 г. во Флоренции состоялся первый международный саммит «Большой семерки» по вопросам культуры, где была подписана Флорентийская декларация — базовый документ, закрепляющий за культурой функцию определенного инструмента для установления диалога между народами, способного содействовать координации действий по усилению защиты культурного наследия. Как отметил министр культурного наследия, культурной деятельности и туризма Д. Франческини, «Флорентийская декларация обозначила конкретные инструменты по защите культурного наследия от террористических нападений, вооруженных конфликтов, мародерства, природных катаклизмов» [13]. Также на саммите обсуждались вопросы, связанные с проблемами восстановления объектов культуры, разрушаемых в ходе боевых действий и террористических актов. Кроме того, в очередной раз обсуждалась инициатива создания отряда «голубых касок» культуры под эгидой ООН с участием каждого отдельного государства.

Естественно, такое активное вовлечение культуры в международные отношения приводит к изменению самого понятия культуры: оно становится более политизированным, манипулятивным и спекулятивным в риторике политиков, журналистов, общественных деятелей. Достаточно вспомнить концепцию С. Хантингтона, согласно которой новым главным источником международных конфликтов станет сфера культуры. Основными причинами столкновений станут фундаментальные разногласия в культуре и религии, характеризующиеся высокой степенью постоянства и непредсказуемостью, а также интенсификация взаимодействий между представителями различных цивилизаций и усиливающиеся тенденции регионализма [14, 22–49]. Мы также можем говорить о целостной системе концепта «культура» в международнической риторике. Культура становится неким гибридным конструктом: одно и то же восприятие и понимание культуры функционируют внутри национального государства и международной организации (меняется только уровень применения набора базового операционного инструментария использования культуры: локальный — государственный — региональный — глобальный) и практически в таком же виде они эксплицируются вовне на международную арену (создание внешнеполитического образа, реализация культурной дипломатии и др.).

Исходя из анализа различных стратегий, деклараций в области культуры, складывается ощущение, что культура структурно включает в себя все «мирные» средства реализации внутренней и внешней политики. Она фактически становится неотделимой от «мягкой силы» государства. Основной демаркационной линией между понятиями «культура» и «soft power» становится субъектность их реализации: «мягкая сила» официально закреплена за государством и международными организациями, в то время как культура пронизывает все уровни социума — от муниципалитета через гражданское общество и НКО к мировому сообществу в целом. Раздувание понятия приводит к тому, что в термин-поле

«культура» инкорпорируются такие элементы, как культурная безопасность, культурный конфликт, культурная война, культурная дипломатия¹, которые ранее изучались автономно в смежных науках — психологии, социологии, философии, политологии, культурологии. Однако быстротечные изменения геополитической ситуации требуют междисциплинарного подхода к рассмотрению вышеперечисленных явлений.

Отметим, что понятия «культурный конфликт» и «культурная война» не являются новыми для науки. Как мы помним, изначально термин «культурная война» использовался для обозначения культурных и религиозных столкновений во время кампании Отто фон Бисмарка против влияния Римско-католической церкви. Однако в современном геополитическом контексте данные концепты естественно модифицируются и приобретают новые смыслы. Так, в 1992 г. П. Бьюкенен, выдвигавший кандидатуру от Республиканской партии США на президентские выборы, выступил со словами: «В этой стране идет религиозная война. <...> Это культурная война, столь же важная для нашей нации... как холодная война: расширение права на аборт и права гомосексуалистов, трудности с введением молитвы в школе, воля к регулированию права на владение огнестрельным оружием... неприемлемы для “страны Божьей”» [15]. В 2012 г. Н. Саркози выступал за ведение культурной войны как войны за самосознание, общие ценности и французскую идентичность, предлагая противостоять «культуре халяля во Франции» [10]. Таким образом, если раньше культурная война была «внешней» (государство стремилось защитить свои ценности, религию, культуру от влияния извне), то в настоящий момент она разворачивается внутри государства как противостояние мигрантам, новым мировым тенденциям.

К современным угрозам для мирового сообщества можно отнести культурный конфликт и культурную войну. Уточним, что понятие «культурный конфликт» чаще используется в психологии и социологии. В указанных науках оно трактуется как некое столкновение ценностей доминирующей культуры и субкультуры, воспринимаемое как причина культурных изменений. По мнению американского антрополога Ф. К. Бока, культурный конфликт приобретает различные формы:

— аномии — разрушения культурного единства из-за отсутствия четких социальных норм. Процесс распада доминирующей системы ценностей обычно связан с ослаблением влияния религии и политики, что приводит к распаду этических принципов;

— «культурного отставания» — состояния, при котором изменения в материальной сфере опережают возможности нематериальной культуры (обычаев, традиций, законов, убеждений) приспособиться к ним;

— господства чужой культуры — навязывания собственной культуры другим обществам. Конфликт возникает из-за несовместимости ценностей таких культур [12]. Примером такого типа конфликтов могут быть начавшийся в 2008 г. миграционный кризис в ЕС и неспособность его разрешить при помощи политики мультикультурализма. Европу обвиняли в исламофобии, указывали, что она

¹ Подробнее об изменении концепта культурной дипломатии см. [7].

опасается создания мультикультурного общества (европейцы опасались утратить свою исторически сложившуюся европейскую идентичность). Европа требует от мусульман быть «мусульманами Европы» (принять такие гражданские ценности, как индивидуализм, демократию) и в то же время постоянно напоминает им, что они «мусульмане в Европе» (делая акцент на своем иудейско-христианском культурном наследии и противопоставляя его мусульманскому миру) [16, 113]. Такое отношение спровоцировало «ответную реакцию» со стороны мигрантов, которые стали бороться силой за свои права, устраивая массовые беспорядки в Европе. Эти беспорядки являются признаком начала полномасштабного культурного противостояния между «старыми» (коренное население) и «новыми» (мигранты) европейцами. И в этом противостоянии используются не только старые, но и новые, высокоэффективные методы борьбы.

Для международных отношений более приемлемы термины «межкультурный конфликт» или «культурная война», которые интерпретируются как воздействие при помощи разнообразных невоенных инструментов на культурное пространство другого государства, в результате чего оно преобразуется в направлении, необходимом субъекту культурной войны. Цель такой войны заключается в отчуждении человека от культуры, в которой он укоренен, и его культурной идентичности. Или же, наоборот, в защите граждан от разрушительного влияния чуждых культур.

Согласно исследователям В. В. Кочеткову и И. В. Максимову основными методами ведения современной наступательной культурной войны являются:

— глоттополитическая интервенция: внедрение второго государственного языка; уничтожение или дискриминация языков коренных народов; внедрение чуждых для социума дискурсов и дискурсивных практик;

— изменение социальной системы: изменение основных принципов и правил социальной мобильности; смена критериев социального престижа; преобразование системы социальной стратификации;

— упразднение и создание ценностей: уничтожение традиций и идеалов, лежащих в основе самосохранения социальной системы; создание искусственных традиций и ценностей, укрепляющих влияние культурного гегемона;

— реорганизация политической системы: ротация политической элиты; упразднение традиционных институтов и структур власти и создание новых; смена внешнеполитической ориентации;

— замена или частичное преобразование правовой системы: принятие под давлением культурного агрессора законов, не соответствующих традициям и историческому опыту государства; распространение сферы действия законов государства-агрессора на юрисдикцию государства-жертвы; «двойные стандарты» в применении международного права;

— вмешательство в процессы воспроизводства населения и передачи культурного наследия: преобразование института семьи и брака; изменение образовательной и научной системы; исторический ревизионизм;

— экспорт экономической системы: разрушение традиционной хозяйственной системы; массовый экспорт валюты и товаров; изменение системы распределения

экономических благ в обществе; создание новых сфер и отраслей экономики, новых экономических институтов;

— медиавойна: манипуляция мнением международного сообщества; манипуляция массовым сознанием [5]. В качестве примера можно привести французский журнал «Шарли Эбдо», позиционирующий себя как сатирический и публикующий карикатуры на актуальные темы. При этом в ряде случаев он выходил за рамки политической сатиры и высмеивал мусульманские религиозные ценности (карикатуры на пророка Мухаммеда) и проблемы беженцев (инцидент с утонувшими детьми с Ближнего Востока). Отметим, что ситуация с этим журналом со временем вышла из чисто медийного поля: в январе 2015 г. на редакцию было совершено нападение, в ходе которого погибло 12 человек. Вскоре после этого журнал заявил об отказе от использования карикатур на пророка Мухаммеда, а сам инцидент вызвал широчайший резонанс во Франции и многих странах ЕС. При этом в разное время публикации журнала становились причиной медиаскандалов, акций протеста, оказывая «возбуждающее» действие на сознание читателей.

В связи с этим становится особо актуальным вопрос о культурной безопасности, которая рассматривается как защищенность культурного многообразия меньшинств и защита общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурного своеобразия). Напомним, что мировым сообществом на уровне различных международных организаций культурное многообразие признается ценностью и нерыночным ресурсом развития общества. Его уменьшение имеет множество отрицательных последствий для прогресса развития человека и общества.

Сам концепт «культурная безопасность» появился в работах Ж. Бодена, который акцентировал внимание на ее конфессиональном аспекте [1]. Далее этот термин активно развивался в работах П. Бурдые [2], который рассуждал о значимости культурного капитала и о необходимости его защищать со стороны государства. На практике концепция культурной безопасности была реализована в 80-е гг. прошлого столетия в Новой Зеландии, где пришли к выводу, что успех в обеспечении культурной безопасности невозможен без учета традиций и обычаев народов.

Изначально концепция культурной безопасности — *cultural safety* — рассматривалась как деятельность, основанная на уважении и поддержке культурной идентичности сообщества, его древних традиций, современного состояния и потребностей. Но позже понятие было заменено на *cultural security* (акценты смещаются с безопасности как защищенности, целостности, невредимости (*safety*) на безопасность как защиту, охрану, гарантирование, обеспечение (*security*)). Таким образом, расширяется сфера применения термина: не только локальные и/или гражданские инициативы, но общегосударственный и межгосударственный уровень обеспечения защиты наряду с военной и продовольственной безопасностью.

Изучением культурной безопасности занимались такие исследователи, как Д. Биго, К. Гийо, Л. Буве, Б. Бади, М. В. Вакасов, А. Ю. Голобородько,

В. В. Кочетков, И. В. Шевченко и др. Анализ работ указанных авторов позволяет сделать вывод о том, что:

— культурная безопасность определяется посредством культурного кода, а именно способностью поддерживать свою уникальность под влиянием другой культуры, уделяя внимание присутствию иммиграции;

— культурная безопасность — это сохранение привычного для индивида уклада в его бытовой жизни в меняющемся мире;

— культура существенным образом влияет на состояние национальной безопасности;

— в современном понимании «культурная безопасность» уже не рассматривается без материальной составляющей и деятельности государства по развитию культурного самосознания, а ее эффективное обеспечение осуществляется на основе прогноза происходящих в культурной сфере процессов [3, 4, 8, 9].

Как видим, культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Она рассматривается как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом (сохранение памятников культуры и народных традиций, поддержка искусства и культурных инициатив не существуют сами по себе и не ограничиваются в конечном счете культурной сферой) [6, 10].

Таким образом, для государственных или надгосударственных структур, подобных ЕС, важным элементом сохранения своего культурного кода, традиций, языков и т. д. становится обеспечение культурной безопасности. Методы ведения культурной войны, культурная агрессия, как инструменты «мягкой силы», вынуждают государство задуматься о сохранении присущих ему традиционных культурных ценностей, а также об обеспечении политической и экономической стабильности и независимости. В этой плоскости политика, экономика и культура становятся тесно связанными между собой.

Таким образом, «мягкая сила», по аналогии с «жесткой силой», становится не только инструментом внешнего воздействия и «продвижения» государства на международной арене, но и приобретает «оборонительные» функции. Культурная политика и «мягкая сила» оказываются не только и не столько механизмом использования культурного потенциала для укрепления мировых позиций, но и инструментом, способным сохранить собственную идентификацию, культурное наследие и память в условиях противодействия как давлению «мягкой силы» со стороны иных акторов, так и в условиях прямого физического контакта и воздействия, как в случае активизации миграционных потоков из бывших колоний либо из зон боевых действий на территориях, где проживают носители иных культурных и религиозных ценностей.

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

2. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

3. Вакасова М. В. Влияние миграции на культурную безопасность в рамках исследований парижской и копенгагенской школ безопасности // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 37. С. 19–23.

4. Голобородько А. Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 4(21). С. 10–19.
5. Кочетков В. В., Максимов И. В. Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 2013. № 4. С. 96–108.
6. Степанянц М. Культура как гарант российской безопасности // Вопр. философии. 2012. № 1. С. 3–13.
7. Табаринцева-Романова К. М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.
8. Узлова Н. В. Культурная безопасность как один из факторов устойчивого развития // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 164–166.
9. Шевченко И. В. К вопросу операционализации понятия «культурная безопасность» // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2016. № 9(65). С. 198–212. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9481> (accessed: 02.05.2018).
10. Comment Nicolas Sarkozy va lancer sa candidature // L'express [Electronic resource]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/comment-nicolas-sarkozy-va-lancer-sa-candidature_1079171.html (accessed: 30.04.2018).
11. Council Conclusions on culture in the EU's external relations with a focus on culture in development cooperation available [Electronic resource]. URL: http://www.cultureinexternalrelations.eu/cier-data/uploads/2016/12/ST_14443_2015_INIT_EN.pdf (accessed: 02.05.2018).
12. Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology / Ed. by Ph. K. Bock. N. Y., 1970.
13. Firenze G7: rendere la cultura uno strumento di dialogo fra i popoli. le conclusioni del summit a palazzo pitti/Firenzepost [Electronic resource]. URL: <https://www.firenzepost.it/2017/03/31/firenzeg7-rendere-la-cultura-uno-strumento-di-dialogo-fra-i-popoli-le-conclusioni-del-summit-a-palazzo-pitti/> (accessed: 08.05.2018).
14. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // "Foreign Affairs". Vol. 72, № 3. Summer 1993. P. 22–49.
15. La guerre culturelle aura-t-elle vraiment lieu? // Lavie [Electronic resource]. URL: http://www.lavie.fr/debats/chretiensendebats/la-guerre-culturelle-aura-t-elle-vraiment-lieu-06-09-2013-43788_431.php (accessed: 30.04.2018).
16. Marranci G. Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia // Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal [Electronic resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0143830042000200373> (accessed: 30.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2018 г.